

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2019
XXVIII**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1757
EXPRESS-ISSUE**

2019 № 1757

СОДЕРЖАНИЕ

- 1683-1689 Учёт зимующих водоплавающих и околоводных птиц в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в январе 2019 года. В. М. ХРАБРЫЙ
- 1689-1691 Первая встреча пестрогрудой овсянки *Passerella iliaca* в Приморском крае. А. П. ХОДАКОВ
- 1691-1693 О питании сизого голубя *Columba livia* соком клёна ранней весной. Д. А. БЕЛЯЕВ
- 1693-1696 Характер пребывания гуменника *Anser fabalis* в Олёкминском заповеднике и его окрестностях. Д. И. ТИРСКИЙ
- 1697-1705 Весенняя миграция пеночки-зарнички *Phylloscopus inornatus* на Буреинском нагорье. М. Ф. БИСЕРОВ
- 1705-1714 Стрепет *Tetrax tetrax* и дрофа *Otis tarda* в Кустанайской области: популяционная динамика в XX-XXI веках. Е. А. БРАГИН
- 1714-1715 Гнездование серой вороны *Corvus cornix* на искусственных островах в Каспийском море. Ф. Ф. КАРПОВ, В. А. КОВШАРЬ
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXVIII
Express-issue

2019 № 1757

CONTENTS

- 1683-1689 Accounting for wintering waterbirds in St. Petersburg and Leningrad Oblast in January 2019.
V. M. KHRABRY
- 1689-1691 The first record of the fox sparrow *Passerella iliaca* in Primorsky Krai. A. P. KHODAKOV
- 1691-1693 The rock pigeon *Columba livia* drinks maple sap in early spring. D. A. BELYAEV
- 1693-1696 Status of the bean goose *Anser fabalis* in the Olekminsky Reserve and its surroundings. D. I. TIRSKY
- 1697-1705 Spring migration of the yellow-browed warbler *Phylloscopus inornatus* on the Burea Highlands. M. F. BISEROV
- 1705-1714 The little bustard *Tetrax tetrax* and great bustard *Otis tarda* in Kustanai Oblast: population dynamics during the XX-XXI centuries. E. A. BRAGIN
- 1714-1715 The hooded crow *Corvus cornix* nesting on artificial islands in the Caspian Sea.
F. F. KARPOV, V. A. KOVSHAR
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Учёт зимующих водоплавающих и околоводных птиц в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в январе 2019 года

В.М.Храбрый

Владимир Михайлович Храбрый. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Зоологический институт РАН. Университетская набережная, д. 1, 199034, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: lanius1@yandex

Поступила в редакцию 22 марта 2019

Очередной учёт водоплавающих и околоводных птиц в Санкт-Петербурге и Ленинградской области был проведён 19-20 января 2019. В учётах приняли участие члены орнитологической секции Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей: Ф.Артюшков, В.Бек, Ю.Бек, М.Березанцева, О.Береснеева, У.Бирина, А.Богуславский, А.Весёлкин, Д.Гаврилина, П.Глазков, В.Головань, К.Домбровский, С.Ерохов, В.Заметня, О.Карасёва, А.Кожин, В.Ковалёв, О.Комаров, С.Кузьмин, А.Мансуров, П.Москвин, М.Мусатова, Т.Нетребина, Е.Новикова, Д.Остапенко, Г.Панова, Т.Петрова, Н.Пономарцев, Е.Самойлова, А.Тиунова, Д.Фёдоров, В.Храбрый, Л.Чиринскайте, Е.Чернецова, Н.Чернецов, А.Шварц.

В дни учёта температура воздуха была минус 8-10°C, переменная облачность с прояснениями, временами шёл небольшой снег. Осмотрены открытые полыньи на Неве, Большой и Средней Невках; на реках: Фонтанка, Мойка, Охта, Сосновка, Карповка, Волковка, Монастырка, Смоленка, Оккервиль, Красненькая, Чёрная, Муринский ручей; на каналах: Матисов, Дудергофский, Грибоедова, а также на безымянном ручье в Нижнем парке Красного Села. Кроме того, в 2019 году проведены учёты на полынье под мостом, ведущим с Канонерского острова на остров Белый и на Морском канале.

В Ленинградской области учёты проведены в Гатчинском районе на Белом озере и на трёх незамерзающих участках реки Оредеж (в окрестностях посёлков Рождествено, Чикино, Большое Заречье (Заметня 2019; Заметня, Крачковский 2019). Также 27 января, 1 и 18 февраля осмотрено незамерзающее русло реки Вуоксы в Приозерске и его окрестностях (Храбрый, Глазков 2019). Всего проверено 57 участков с открытой водой. Во время январских учётов зарегистрировано 19 видов птиц водно-болотного комплекса (табл. 1).

Как и в прошлые годы, основное разнообразие зимующих птиц представлено гусеобразными, среди которых преобладала кряква *Anas platyrhynchos* (9608 особей: 58% самцов, 42% самок), что приблизилось

к численности зимующей группировки в 1980-х годах. Тогда, в 1986 и 1987 годах, в городе было зарегистрировано 10386 и 10587 крякв, соответственно (Храбрый 2005). Таким образом, число зимующих в городе крякв практически вернулось к пику середины 1980-х годов (рис. 1). Как будет меняться эта численность, может показать только продолжающийся мониторинг.

Таблица 1. Результаты учётов водоплавающих и околоводных птиц в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в январе 2019 года

Вид	Число особей
Малая поганка <i>Podiceps ruficollis</i>	3
Чомга, или большая поганка <i>Podiceps cristatus</i>	1
Лебедь-кликун <i>Cygnus cygnus</i>	4
Кряква <i>Anas platyrhynchos</i>	9608
Серая утка <i>Anas strepera</i>	2
Свиязь <i>Anas penelope</i>	1
Шилохвость <i>Anas acuta</i>	1
Хохлатая чернеть <i>Aythya fuligula</i>	2
Гоголь <i>Vulpes clangula</i>	3
Морянка <i>Clangula hyemalis</i>	1
Большой крохаль <i>Mergus merganser</i>	44
Водяной пастушок <i>Rallus aquaticus</i>	1
Лысуха <i>Fulica atra</i>	94
Озёрная чайка <i>Larus ridibundus</i>	32
Клуша <i>Larus fuscus</i>	5
Серебристая чайка <i>Larus argentatus</i>	4380
Морская чайка <i>Larus marinus</i>	25
Обыкновенный зимородок <i>Alcedo atthis</i>	1
Оляпка <i>Cinclus cinclus</i>	5

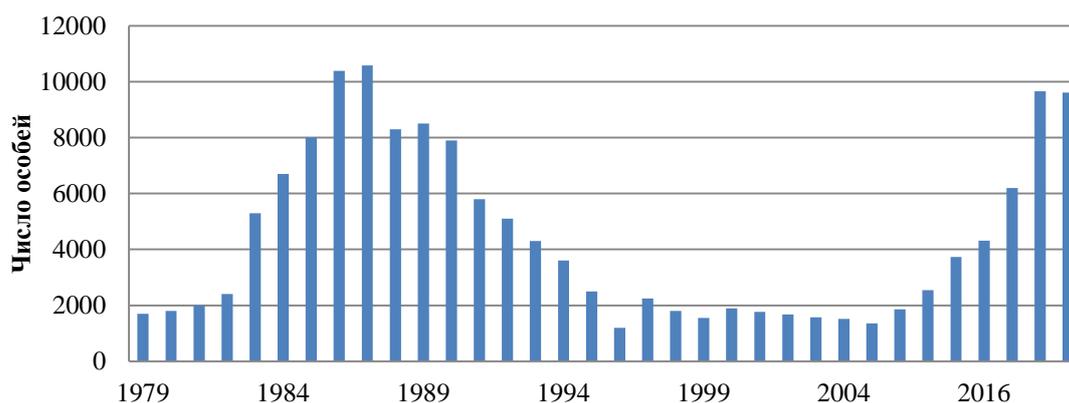

Рис. 1. Многолетняя динамика зимующих крякв *Anas platyrhynchos* в Санкт-Петербурге.

По числу птиц, зимующих на незамерзающих участках водотоков города, первое место занимает река Оккервиль. Кряквы здесь держатся на многочисленных полыньях, которые в основном встречаются у мостов. Здесь птиц регулярно подкармливают горожане. Всего на реке зимует около 1500 крякв (рис. 2).

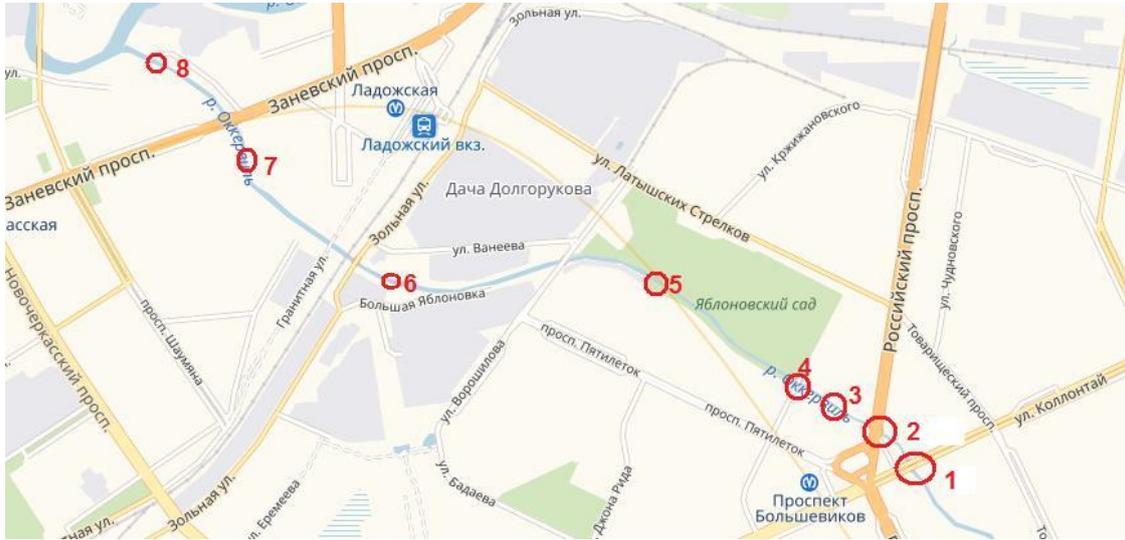

Рис. 2. Схема зимовочных полей на реке Оккервиль.

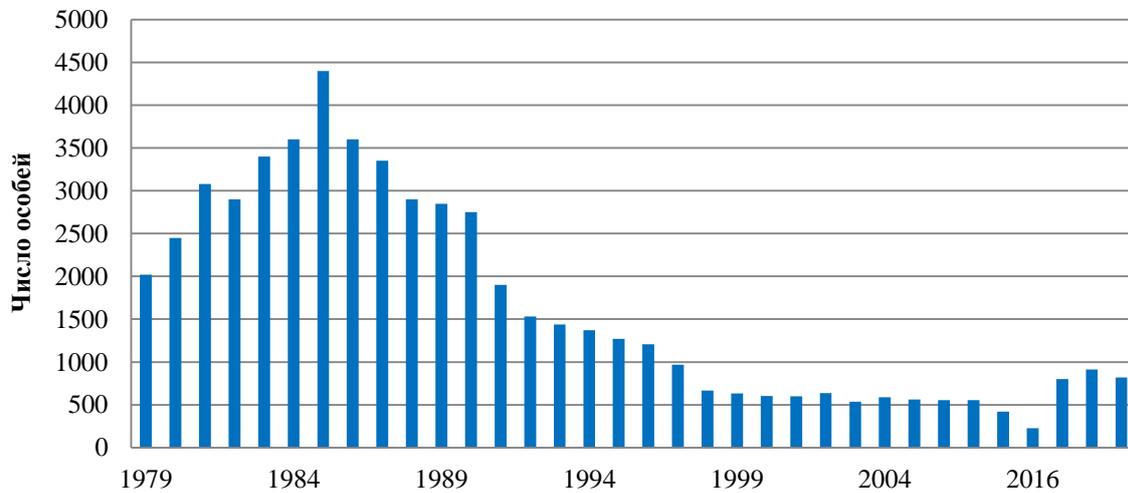

Рис. 3. Многолетняя динамика зимующих крякв *Anas platyrhynchos* у Елагиных мостов.

Таблица 2. Динамика численности зимующих водоплавающих и околоводных птиц на Белом озере в Гатчине (по материалам Л.Чиринскайте)

Вид	2016	2017	2018	2019
Поганка <i>Podiceps</i> sp	–	1	–	–
Белощёкая казарка <i>Branta leucopsis</i>	–	1	–	–
Лебедь-шипун <i>Sygnus olor</i> (передержка вольерных птиц)	–	–	–	2
Кряква <i>Anas platyrhynchos</i>	320	537	980	988
Связь <i>Anas penelope</i>	–	1	–	–
Шилохвость <i>Anas acuta</i>	–	–	–	1
Хохлатая чернеть <i>Aythya fuligula</i>	4	–	3	–
Гоголь <i>Vulpes clangula</i>	–	5	2	–
Лысуха <i>Fulica atra</i>	23	23	95	92
Серебристая чайка <i>Larus argentatus</i>	34	75	2013	3729
Бургомистр <i>Larus hyperboreus</i>	–	–	3*	–
Морская чайка <i>Larus marinus</i>	–	–	–	10
Оляпка <i>Cinclus cinclus</i>	–	–	–	1

* – см.: Храбрый 2018.

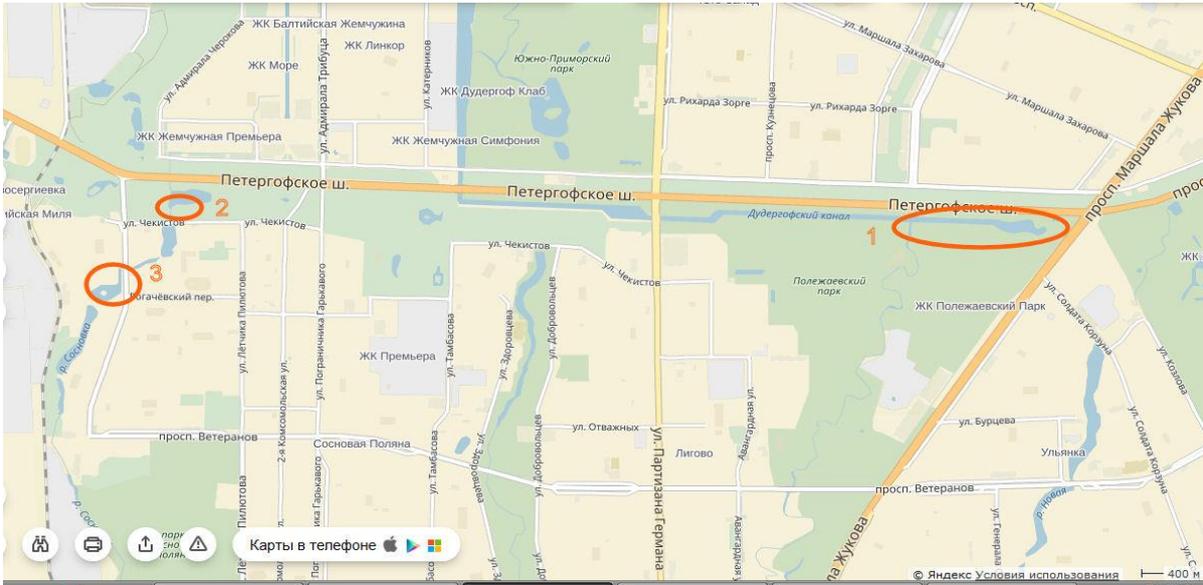

Рис. 5. Схема зимовочных польней на реке на Дудергофском канале и реке Сосновке.

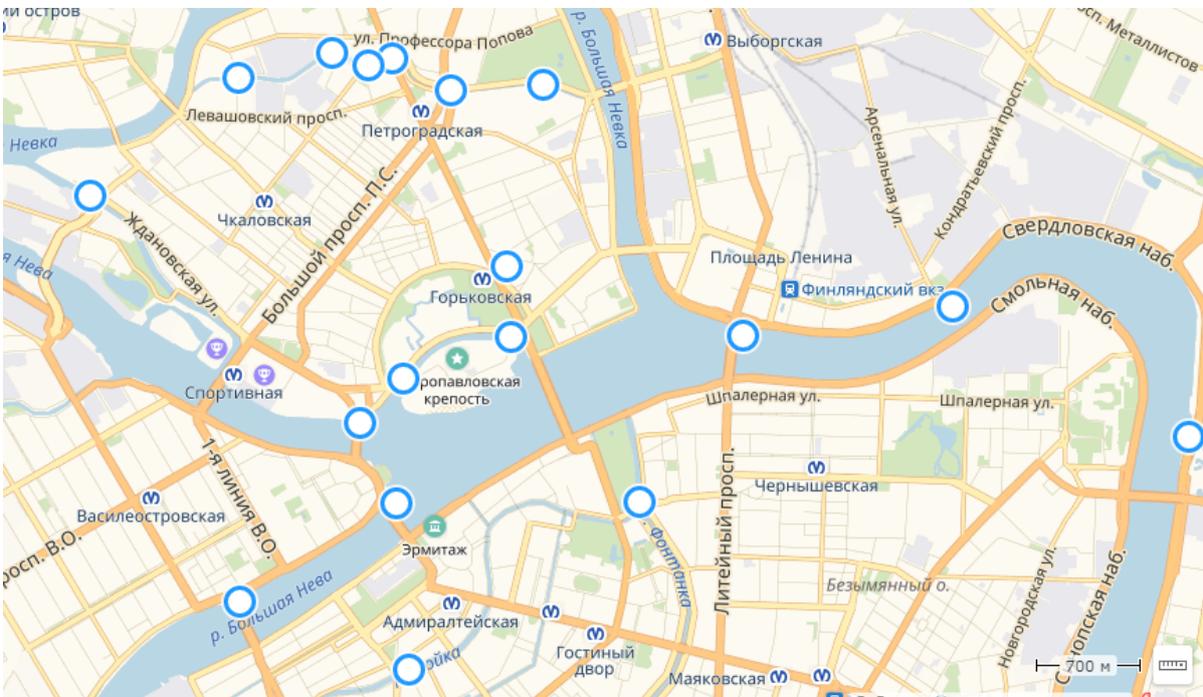

Рис. 6. Схема зимовочных польней в центральной части Санкт-Петербурга.

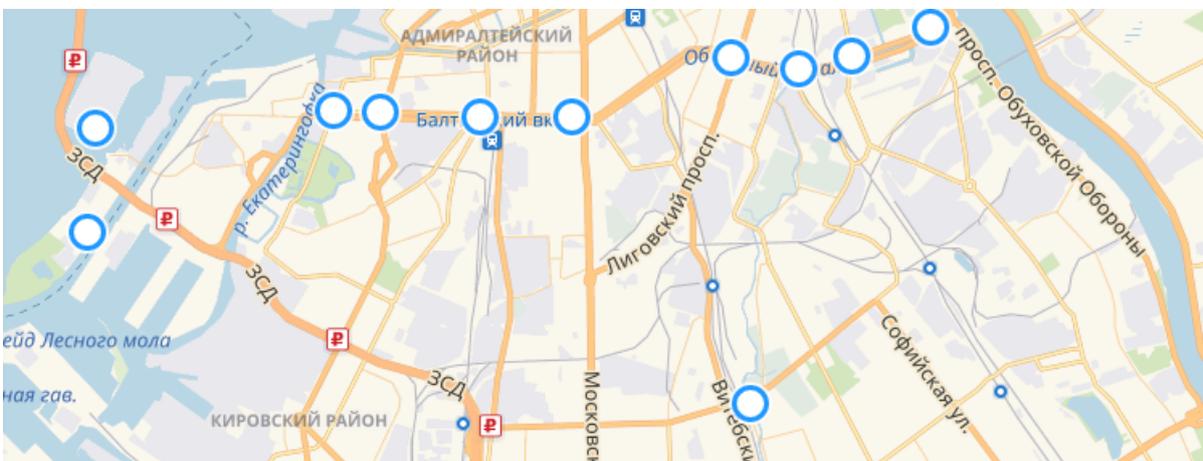

Рис. 7. Схема зимовочных польней на Обводном канале.

Рис. 8. Серая утка *Anas strepera*. Дудергофский канал. 20 января 2019. Фото А.Тиуновой.

Рис. 9. Чомга *Podiceps cristatus* в зимнем перье. 2-й Елагин мост.
24 февраля 2019. Фото В.Ковалёва.

По-прежнему привлекательными местами для зимующих водоплавающих в границах города служат полыньи на Большой и Средней Невках у 2-го и 3-го Елагиных мостов. В прошлом именно здесь во время январских учётов зарегистрировано наибольшее число птиц. Последние годы на полыньях у этих мостов собирается до 1000 крякв (рис. 3). Традиционно весьма крупные зимовочные скопления наблюдаются на юго-западе города. Больше всего участков с открытой водой здесь обычно находится на Дудергофском канале и на реке Сосновке, на которых в январе регистрируют до 800 птиц (рис. 5).

Рис. 10. Малые поганки *Podiceps ruficollis*. 2-й Елагин мост. 24 февраля 2019. Фото В.Ковалёва.

Стабильная многолетняя зимовка существует на безымянном ручье, который протекает по Нижнему парку в Красном Селе (Домбровский 2015), где в этом году зарегистрировано около 500 крякв. Увеличилась зимующая группировка крякв и других водяных птиц на Белом озере в Гатчине (табл. 2).

На полыньях Невы, Фонтанки, Мойки, Охты, Карповки, Волковки, Монастырки, Смоленки, Черной, Мурина ручья и в других местах было зарегистрировано около 6000 крякв (рис. 6, 7).

Следует отметить, что в 2019 году не проведён учёт крякв на Ольгином пруду в Петергофе, где традиционно зимует около 1500 птиц. Так что вполне вероятно, что число зимующих уток в Петербурге в этом году было больше, чем показали проведённые учёты в январе.

Литература

- Домбровский К.Ю. 2015. Зимовка крякв *Anas platyrhynchos* на тёплом ручье в Красном Селе (южная окраина Санкт-Петербурга) // *Рус. орнитол. журн.* 24 (1112): 713-718.
- Заметня В.В. 2019. Зимовка лебедя-кликун *Cygnus cygnus* в верховьях Оредежа (Волосовский район Ленинградской области) // *Рус. орнитол. журн.* 28 (1722): 325-327.
- Заметня В.В., Крачковский В.И. 2019. Зимовка водяного пастушка *Rallus aquaticus* в верховьях Оредежа (Волосовский район Ленинградской области) // *Рус. орнитол. журн.* 28 (1718): 136-140.
- Храбрый В.М. 2005. Многолетняя годовая динамика численности кряквы (*Anas platyrhynchos*) в административных границах Санкт-Петербурга // *Гусеобразные птицы Северной Евразии*. СПб.: 277-279.

Храбрый В.М. 2018. Учёт зимующих водоплавающих и околоводных птиц в январе 2015-2018 годов в Санкт-Петербурге // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1637): 3275-3282.

Храбрый В.М., Глазков П.Б. 2019. О зимовке лебедя-кликуну *Cygnus cygnus* в Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1741): 1064-1067.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1757: 1689-1691

Первая встреча пестрогрудой овсянки *Passerella iliaca* в Приморском крае

А.П.Ходаков

Анатолий Петрович Ходаков. Владивосток. E-mail: anatolybpf@mail.ru

Поступила в редакцию 25 марта 2019

Область гнездования пестрогрудой овсянки *Passerella iliaca* (Merrem, 1786) занимает значительную часть Северной Америки от Аляски до атлантического побережья (Степанян 2003). Её редкие залёты на территорию России известны для восточной части Чукотского полуострова (Портенко 1973; Конюхов 1995), а также островов Врангеля (Стишов 2004) и Медный (Артюхин и др. 2000). Помимо этого, в Восточном полушарии эту овсянку дважды регистрировали в Японии: в ноябре 1935 года на Хонсю и в феврале 1985 года на Хоккайдо (Check-list... 2012).

Рис. 1. Пестрогрудая овсянка *Passerella iliaca*. Остров Русский, побережье бухты Новик, окрестности Владивостока. 9 марта 2019. Фото автора.

В Приморском крае пестрогрудая овсянка впервые встречена 9 марта 2019 на побережье бухты Новик (остров Русский, залив Петра Великого) в окрестностях Владивостока (рис. 1). Птица держалась на обочине дороги, идущей вдоль луга, по краю которого протекает небольшой частично незамерзающей ручей, заросший ивой и ольхой. Овсянка собирала семена, разгребая опавшие листья одновременно двумя лапами, при этом совершая своеобразные невысокие прыжки, отбрасывая листья назад. Повторно пестрогрудую овсянку удалось обнаружить в том же районе 24 марта (рис. 2), когда она держалась у южного склона сопки, поросшей дубом, ясенем и берёзой.

Рис. 2. Пестрогрудая овсянка *Passerella iliaca*. Остров Русский, побережье бухты Новик, окрестности Владивостока. 24 марта 2019. Фото автора.

Не исключено, что эта явно залётная особь успешно перезимовала поблизости от места, где была обнаружена, чему способствовала очень мягкая и совершенно бесснежная зима 2018/19 года. Следует отметить, что в последние годы было выявлено ещё два случая зимних находок единичных экземпляров других видов овсянок Нового Света в прибрежных районах Приморского края (Микуелль, Елсуков 2014; Шохрин 2019).

Автор выражает искреннюю благодарность Ю.Н.Глуценко за помощь в подборе литературы и оформлении текста статьи.

Литература

Артюхин Ю.Б., Герасимов Ю.Н., Лобков Е.Г. 2000. Класс Птицы – Aves // *Каталог позвоночных животных Камчатки и сопредельных морских акваторий*. Петропавловск-Камчатский: 73-99.

- Конюхов Н.Б. (1995) 2015. Редкие и залётные птицы Чукотского полуострова // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1172): 2717-2720.
- Микуелль М.П., Елсуков С.В. 2014. Первая встреча белобровой зонотрихии *Zonotrichia leucophrys* в Приморском крае // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1009): 1770-1772.
- Портенко Л.А. 1973. *Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля*. Л., **2**: 1-324.
- Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.
- Стишов М.С. 2004. *Остров Врангеля – эталон природы и природная аномалия*. Йошкар-Ола: 1-596.
- Шохрин В.П. 2019. Краснозобый дрозд *Turdus ruficollis* и чернобровая зонотрихия *Zonotrichia atricapilla* – новые виды орнитофауны Лазовского заповедника (Приморский край) // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1748): 1347-1349.
- Check-list of Japanese Birds*. 2012. 7th revised edition. The Ornithological Society of Japan: 1-438.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1757: 1691-1693

О питании сизого голубя *Columba livia* соком клёна ранней весной

Д.А.Беляев

Дмитрий Анатольевич Беляев. ФГБОУ ВО Приморская государственная сельскохозяйственная академия. Проспект Блюхера, д. 44, Уссурийск, Приморский край, 692510, Россия.
E-mail: d_belyaev@mail.ru

Поступила в редакцию 24 марта 2019

Хорошо известно, что сок некоторых деревьев является одним из источников питания для ряда зимующих видов птиц. Он разнообразит довольно скудное меню в ранневесеннее время, давая организму сахара и аминокислоты. Случаи кормления различных видов птиц древесным соком описаны в литературе. Чаще всего упоминается об использовании этого кормового ресурса различными видами дятлов – большим пёстрым *Dendrocopos major*, белоспинным *D. leucotos*, средним пёстрым *D. medius*, сирийским *D. syriacus*, седым *Picus canus*, трёхпалым *Picoides tridactylus*. Дятлы как правило сами проделывают небольшие отверстия в коре деревьев, вызывая истечение сока – «кольцуют» деревья (Панов 1973; Осмоловская 2001; Плешак 2004 Иванчев 2009; Митяй, Кошелев 2012). Кроме них, питание древесным соком отмечено для свиристелей *Vombycilla garrulus* (Иванчев 2009; Бардин 2014), ополовников *Aegithalos caudatus* (Панов 1973), различных видов синиц *Parus* spp., желтоголовых королек *Regulus regulus*, поползней *Sitta europaea*, пищух *Certhia familiaris* и саксаульных воробьёв *Passer ammodendri* (Панов 1973; Бардин 2011; Жатканбаев 2014). Эти птицы

используют сок, вытекающий в местах повреждения ствола и ветвей деревьев, либо посещают деревья, окольцованные дятлами. Чаще всего птицы кормятся соком разных видов клёнов *Acer spp.*, берёз *Betula spp.*, осины *Populus tremula* (Осмоловская 2001; Иванчев 2009; Бардин 2011; Митяй, Кошелев 2012). В целом же в бывшем СССР «кольцевание» дятлами отмечено для 14 древесных пород (Митяй, Кошелев 2012).

Однако в литературе не удалось найти данных о питании древесным соком сизого голубя *Columba livia*. Такое необычное кормовое поведение наблюдалось мной 19 марта 2019 в городе Уссурийске. Семь сизых голубей скопились около крупного американского клёна *Acer negundo* – вида, широко используемого в озеленении Уссурийска (Коляда 2013) – среди жилой застройки города. Из крупных ветвей и ствола дерева обильно вытекал сок, который птицы пили как стоя на земле, так и сидя в развилках крупных ветвей.

Такое поведение, вероятно, можно объяснить аномальными условиями зимы 2018/19 и весны 2019 года в Южном Приморье. По данным Приморского управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды в феврале, как и в январе, наблюдался значительный дефицит осадков. На большей территории края осадки не наблюдались совсем. В южных, западных и восточных районах устойчивый снежный покров за весь зимний период так и не сформировался. Аналогично тёплыми были 2002, 2007, 2009 и 2017 годы, но тогда в крае отмечался избыток осадков*. В связи с отсутствием осадков голуби, скорее всего, испытывали недостаток в доступных источниках воды. Так, было отмечено даже использование ими конденсата, вытекающего из выхлопных труб автомобилей, поставленных утром на прогревание (Ю.Н.Глушченко, письм. сообщ.). Кленовый сок оказался ещё одним доступным источником воды, а также питательных веществ и аминокислот для голубей. Данные наблюдения служат примером гибкости кормодобывающего поведения сизого голубя в условиях аномально сухой весны.

Л и т е р а т у р а

- Бардин А.В. 2011. Сок деревьев, нектар и пыльца как источники пищи для синиц и корольков ранней весной // *Рус. орнитол. журн.* **20** (683): 1694-1696.
- Бардин А.В. 2014. Свиристели *Vombocilla garrulus* пьют берёзовый сок // *Рус. орнитол. журн.* **23** (982): 975-976.
- Жатканбаев А.Ж. 2014. Саксаульный воробей *Passer ammodendri* пьёт сок туранги разнолистной *Populus diversifolia* // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1059): 3180-3183.
- Иванчев В.П. 2009. О питании птиц в ранневесеннее время соком и пыльцой растений // *Рус. орнитол. журн.* **18** (479): 687-688.
- Коляда Н.А. 2013. Древесные растения, используемые во внутриквартальном озеленении г. Уссурийска // *Животный и растительный мир Дальнего Востока* 2 (20): 31-35.

* Обзор погоды за февраль 2019года: официальный сайт Приморского управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды.. URL:http://www.primgidromet.ru/pogoda/obzor_pogodnyh_uslovij_za_dekabr_2018g/ (дата обращения: 23.03.2019).

- Митяй И.С., Кошелев А.И. 2012. Функциональная роль дятловых птиц (Piciformes) в природных и искусственных лесах Среднего Приднепровья и Северного Приазовья // *Бiol. вісник МДПУ* 1: 126-142.
- Осмоловская В.И. 2001. Питание дятлов соком деревьев // *Рус. орнитол. журн.* 18 (153): 650-658.
- Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.
- Плешак Т.В. 2004. О кольцевании трёхпалым дятлом *Picoides tridactylus* хвойных деревьев // *Рус. орнитол. журн.* 13 (257): 318-319.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1757: 1693-1696

Характер пребывания гуменника *Anser fabalis* в Олёкминском заповеднике и его окрестностях

Д.И.Тирский

Дмитрий Иннокентьевич Тирский. ФГБУ Государственный природный заповедник «Олёкминский». Ул. Филатова, д. 6. Олёкминск, Саха (Якутия), 678100, Россия.

E-mail: td1961@mail.ru

Поступила в редакцию 26 марта 2019

Исследования проводились в южной части Якутии, в Олёкминском заповеднике и прилегающих территориях. Это типичный участок тайги на плато с переходными признаками к горно-таёжному ландшафту. Реки относятся горному или полугорному типам. Большинство рек в верховьях имеет каменистое русло и течёт в узких и глубоких долинах, отличается быстрым течением и малой глубиной, а в среднем и нижнем течении приобретает признаки полугорного водотока. Озёр мало и распространены они лишь местами по долинам рек.

Собраны материалы о миграциях и гнездовании гуменника *Anser fabalis*, установлена его численность и основные экологические характеристики. Изучен типологический состав местообитаний. Дана оценка значения заповедника «Олёкминский» в сохранении этого гуся.

Работа велась ежегодно с 1987 по 2018 год. Сбор материала проводился на маршрутах, стационарах и в местах массового пролёта водоплавающих птиц на основе известных методик (Исаков 1963; Приклонский, Панченко 1973; Кумари 1979; Кузякин и др. 1990; Равкин, Челинцев 1990).

В Олёкминском заповеднике зарегистрировано пребывание обоих подвидов гуменника, обитающих в Якутии: восточного тундрового *A. f. serrirostris* и восточного таёжного *A. f. middendorffii*. Таёжный гуменник внесён в Красную книгу Якутии (2003). Тундровый гуменник при-

надлежит к числу обычных пролётных птиц. Весной и осенью гуси регистрируются почти одновременно на всех кордонах заповедника и на прилегающих территориях. Пролёт таёжного гуменника в заповеднике почти не выражен, но он гнездится в небольшом числе в пределах исследуемой территории (Тирский 2011).

Весной первые пролётные гуменники в долине реки Олёкмы зарегистрированы 22 апреля. Первая волна пролёта обычно проходит с 4 по 14 мая, когда пролетает до 70% учтённых особей, массовый пролёт приходится на 7-10 мая. Вторая волна пролёта менее выражена и наблюдается 15-24 мая. В течение всего пролёта в ясную погоду с 11 до 14 ч гуси летят на высоко (около 300 м), а с 20 до 23 ч высота миграций снижается до 100 м, и гуси изредка совершают посадки. Во время весенних учётов водоплавающих птиц на трёх постоянных наблюдательных пунктах в долине Олёкмы с 1 по 25 мая в среднем учитывали от 1200 до 3500 особей за сезон. На остальных реках, протекающих по территории заповедника, пролёт гуменников менее выражен. В среднем за весну по реке Туолба пролетает 300-500 гусей, по реке Амга – 450-700, по реке Чуга – 600-1500 особей. Проявляется слабая тенденция к снижению миграционной численности данного вида.

Обычно гуси летят стаями от 12 до 25, редко – от 50 до 70 птиц; ещё реже регистрируются мигрирующие пары. От 2 до 5% пролётных особей останавливаются для отдыха и кормёжки. Такие остановки наблюдаются в районе озёр Сордонох на левом берегу Олёкмы в охранной зоне заповедника (рис. 1). Обычно останавливаются отдельные стаи, но иногда образуются скопления из 130-250 отдыхающих гусей (Тирский 2013).

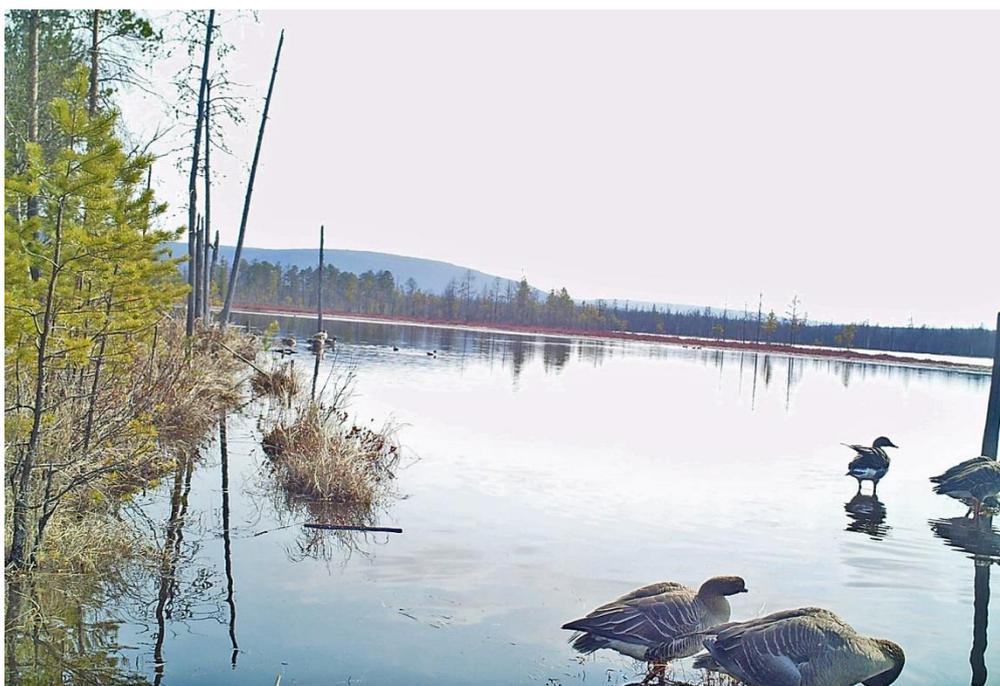

Рис. 1. Восточные тундровые гуменники *Anser fabalis serrirostris* на весеннем пролёте.

Рис. 2. Восточный таёжный гуменник *Anser fabalis middendorffii* в гнездовой период.

В гнездовой период взрослых таёжных гуменников и выводки неоднократно отмечали в долине Амги непосредственно на реке и на заболоченных марях с небольшими озёрами, поросших прибрежно-водной растительностью (рис. 2). В 2000 году в первой декаде августа в долине Амги на галечной отмели и на небольшом сплавином озере на заболоченной старой гари зарегистрированы 2 выводка: в первом с 2 взрослыми птицами было 5 гусят, во втором с 1 взрослой птицей – 4. Все молодые птицы уже совершали небольшие перелёты. В долине реки Олёкмы во второй декаде июля 1992 года один выводок из 3 гусят, сопровождаемых парой взрослых гусей, наблюдали на небольшом старечном озере в устье реки Хаханча. По реке Туолба в 2007 году в июне неоднократно наблюдали двух гуменников на берегах, заросших осокой и хвощом. Здесь же в конце июля – начале августа отмечены 2 взрослые и 4 молодые птицы, а на песчаных и травяных берегах обнаружено множество их следов и экскрементов. Расчётная плотность гнездового населения для данных участков составила 1.9 пары на 10 км береговой линии озёр и 0.2-0.4 пары на 10 км русла реки.

Редкие встречи пролётных гуменников начинают регистрироваться в конце второй – начале третьей декады августа. Эти птицы, несомненно, принадлежат популяциям таёжного гуменника, отлетающего с мест гнездовий на Ленно-Вилуйском междуречье и Вилуйском плато (Дегтярёв 2007). К концу первой декады сентября интенсивность пролёта возрастает, появляются стаи по 12-20 гусей. Во второй и третьей декадах сентября, когда в миграциях начинает участвовать тундровый гуменник, пролетает основное количество гусей, в отдельные годы до 2000-3000 особей. Нередко массовый пролёт приходится на первую декаду октября. Отдельные стаи в долинах Олёкмы и Чуги встречаются в конце второй и даже в начале третьей декады октября.

Осенью, как и весной, гуси редко (2-3% мигрантов), лишь в случае ненастной погоды, совершают остановки для отдыха и кормёжки, используя для этого каменисто-песчаные речные косы. Миграционные скопления, тем не менее, хоть и редко, но наблюдаются. Их образование также связано с продолжительным ненастьем (обильные снегопады в течении 2-3 сут). Так, во время сильного снегопада на реке Чуга 26 сентября 2014 на каменистом острове находилось 700-900 гусей. В условиях длительного периода ясной погоды гуси пролетают над всеми угодьями заповедника без остановок (Тирский 2012).

Гнездовая группировка таёжного гуменника в Олёкминской заповеднике насчитывает не более 12-15 пар. Несмотря на малочисленность, их следует признать ценными объектами с позиций сохранения регионального биоразнообразия. Это в значительной степени справедливо для таёжного гуменника, некогда широко распространённого на юге Якутии по рекам полугорного типа и сохранившегося в виде немногочисленных гнездовых группировок в труднодоступных для человека районах, ныне осваиваемые промышленностью.

Литература

- Дегтярёв В.Г. 2007. *Водно-болотные птицы в условиях криоаридной равнины*. Новосибирск: 1-300.
- Исаков Ю.А. 1963. Учёт и прогнозирование численности водоплавающих птиц // *Организация и методы учёта птиц и вредных грызунов*. М.: 36-83.
- Красная книга Республики Саха (Якутия)*. Т. 2: *Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных (насекомые, рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие)*. 2003. Якутск: 1-208.
- Кузьякин В.А., Челинцев В.А., Ломанов И.К. 1990. *Методические указания по организации, проведению и обработке данных зимнего маршрутного учёта охотничьих животных в РСФСР*. М.: 1-51.
- Кумари Э. 1979. *Методика изучения видимых миграций птиц*. Тарту: 1-60.
- Приклонский С.Г., Панченко В.Г. 1973. Учёт водоплавающих птиц // *Тр. Окского заповедника* 9: 236-252.
- Равкин Е.С., Челинцев Н.Г. 1990. *Инструкция по комплексному учёту птиц на территории СССР*. М.: 1-33.
- Тирский Д.И. 2011. Распределение и численность гнездящихся гусеобразных птиц по территории Олекминского заповедника // *Эколого-биологические проблемы Сибири и сопредельных территорий*. Нижневартовск: 16-19.
- Тирский Д.И. 2013. Сезонные миграции гусеобразных в Олёкминском заповеднике // *Материалы 6-й междунаро. конф. молодых учёных «Биоразнообразие. Экология. Адаптация. Эволюция», посвящ. 150-летию со дня рождения известного ботаника В.И.Липского*. Одесса: 109-110.
- Тирский Д.И. 2012. Гусеобразные бассейна р. Олёкма // *Регионы нового освоения: Теоретические и практические вопросы изучения и сохранения биологического и ландшафтного разнообразия*. Хабаровск: 160-167.

Весенняя миграция пеночки-зарнички *Phylloscopus inornatus* на Буреинском нагорье

М.Ф.Бисеров

Марат Фаридович Бисеров. Государственный природный заповедник «Буреинский».

Ул. Зелёная, д. 3, пос. Чегдомын. Хабаровский край. 682030. Россия. E-mail: marat-biserov@mail.ru

Поступила в редакцию 22 марта 2019

Пеночка-зарничка *Phylloscopus inornatus* – многочисленный гнездящийся и пролётный вид Буреинского нагорья. Сведения о её весеннем миграционном периоде в пределах нагорья и на прилегающих к нему территориях немногочисленны (Винтер 1979; Иванов 1993; Колбин и др. 1994; Аверин и др. 2012; Бабенко 2000; Бисеров 2007а, 2008, 2012, 2016; Колбин 2017).

В данной статье рассмотрены особенности весенней миграции зарнички в пределах Буреинского нагорья по наблюдениям в различных точках Буреинского хребта в основном за период с 2008 по 2018 год.

Материал собирался в ходе ежедневных маршрутных учётов птиц, проводившихся по методике Ю.С.Равкина (1967) с 1 апреля по 31 мая. Полученные данные, проанализированные по пентадам, позволили, помимо дат первых встреч, установить последовательность, продолжительность и динамику пролёта зарничек. Зарнички – преимущественно ночные мигранты, вследствие чего данные ежедневных утренних учётов птиц вполне отражают реальную динамику пролёта этого вида.

Большая часть наблюдений относится к центральной части хребта, где работы проводились в 2008-2014 и 2016-2018 годах в ближайших окрестностях посёлка Чегдомын (51°07' с.ш., 133°02' в.д.) на высоте около 400 м н.у.м. во вторичных смешанных лесах 40-50-летнего возраста, произрастающих на склонах южной экспозиции. В таких лесах зарничка не была встречена нами в начале июня в течение всех лет работы, что, видимо, указывает на то, что она не гнездится в них. В связи с этим сроки начала и окончания пролёта вида в центральной части нагорья устанавливались достаточно точно.

Для района, прилегающего к северной части хребта, использованы данные маршрутных учётов Т.А.Атроховой за 2008 год, относящиеся к водоразделу рек Ниман и Правая Бурея на северо-западной границе Буреинского заповедника (52°08' с.ш., 134°15' в.д.; 800-1200 м н.у.м.).

Для южной части хребта использованы данные кольцевания и маршрутных учётов 2001 года и маршрутных учётов 2015 года, проводившихся в верховьях реки Икура (49°02' с.ш., 132°56' в.д.; 170-260 м) на территории заповедника «Бастак» (Бисеров 2003а,б, 2016).

Температурный режим апреля в южной и центральной части хребта прослежен соответственно по данным метеостанций «Биробиджан» (80 м н.у.м., 49°03' с.ш., 132°28' в.д.) и «Усть-Умальта» (384 м н.у.м.; 51°38' с.ш., 133°19' в.д.).

Буреинское нагорье, занимающее около 250 тыс. км² территории левобережья Среднего и Нижнего Амура, образовано средневысотными хребтами, вытянутыми в субмеридиональном направлении, наиболее крупный из которых – Буреинский, пересекает почти всё нагорье. Эта территория находится под влиянием восточно-азиатских муссонов, определяющих сухие условия весны и осени, а также сырое и дождливое лето. Весна очень поздняя, затяжная и холодная. В среднегорьях центральной части нагорья переход среднесуточной температуры через +10°C отмечается чаще всего в середине мая, а снежный покров обычно полностью сходит к концу апреля. На большей части нагорья господствуют лиственничные леса. Развитие большинства видов растений обычно начинается в начале мая, так же как и сроки начала активности некоторых видов насекомых, служащих кормом для зарничек. В самых верхних частях лесного пояса (900-1200 м н.у.м.) в конце апреля – начале мая местами ещё сохраняется снежный покров. Например, в 2008 году 28 апреля среднесуточная температура воздуха была отрицательной, а осадки в виде снега периодически выпадали до 7 мая. Южные и юго-восточные районы нагорья заняты хвойно-широколиственными лесами. Весна здесь также затяжная и холодная. Переход среднесуточной температуры через +10°C отмечается в низкогорьях чаще всего в конце апреля – начале мая, снежный покров разрушается обычно к середине апреля.

Равнинные районы, примыкающие к нагорью
(неморально-лесной пояс; ниже 200 м н.у.м.)

На Буреинско-Хинганской низменности пролёт зарнички проходит с 28 апреля до начала июня (Винтер 1979). На Хехцирском хребте весной эти пеночки многочисленны с 25 апреля по 4 июня (Иванов 1993). В бассейне реки Горин весенний пролёт наблюдается в мае (Колбин и др. 1994). На равнинах Нижнего Приамурья, восточнее Буреинского нагорья, зарничка отмечалась с 20 мая по 7 июня (Бабенко 2000). В междуречье Норы и Селемджи прилёт происходит в первой декаде мая, а самая ранняя встреча – 30 апреля (Колбин 2017).

Южные районы нагорья (нижняя часть
неморально-лесного пояса; 200-250 м н.у.м.)

Зарничка гнездится в хвойно-широколиственных лесах южной части нагорья. В заповеднике «Бастак», по результатам многолетних наблюдений, пролёт идёт с 20 апреля по 21 мая (Аверин и др. 2012). В

2015 году в этом заповеднике первые особи отмечены 23 апреля. Уже на следующий день зарничка стала многочисленной, затем интенсивность пролёта нарастала постепенно до третьей пентады мая (Бисеров 2016). Таким образом, низкогорными участками южной части нагорья зарнички летят уже в четвёртую и пятую пентады апреля. Первые особи регистрировались при среднесуточной температуре воздуха (СТВ) 5.6°C. В 2015 году слабо положительные СТВ в данном районе установились с 14 апреля, но только после 22 апреля наблюдались стабильные СТВ выше 3-5°C. Возможно, этот диапазон температур следует считать наиболее благоприятным для начала движения зарничек. Интенсивность пролёта достигла максимума в третьей пентаде мая (табл. 1). В 2001 году наибольшая плотность зарничек также отмечалась в третьей пентаде мая (Бисеров 2003б). Зарничка была самым многочисленным видом с первой по четвёртую пентаду мая, т.е. на протяжении почти половины периода весенней миграции птиц, когда её доля в общем населении видов, участвующих в миграции, составляла 45-46%. В последней пентаде мая её обилие составило 10 ос./км², что следует считать предгнездовым обилием зарнички в полосе хвойно-широколиственных лесов южных окраин нагорья в 2015 году. Интересно, что в 2001 году визуальное и по голосам зарнички отмечались с 30 апреля, в отловах стали встречаться с 1 мая, причём исключительно самцы ($n = 10$); самки отлавливались начиная с 15 мая (Бисеров 2003а).

Таблица 1. Плотность населения (ос./км²) зарнички в период весеннего пролёта в различных частях Буреинского хребта

Годы	Первая встреча	Апрель			Май					
		16-20	21-25	26-30	1-5	6-10	11-15	16-20	21-25	26-31
Северная часть хребта, 800-1200 м н.у.м.										
2008	10.05	–	–	–	–	10.0	3.6	16.3	13.2	–
Центральная часть хребта, 400-500 м н.у.м.										
2008	02.05	–	–	–	71.3	192.0	255.8	21.7	5.8	–
2009	28.04	–	–	18.0	154.9	467.9	222.2	33.9	15.2	–
2010	02.05	–	–	–	12.9	8.0	196.0	378.0	35.3	–
2011	04.05	–	–	–	14.0	129.0	180.6	379.3	210.9	45.3
2012	28.04	–	–	296.0	547.7	734.4	381.2	–	–	–
2013	29.04	–	–	2.5	–	285.0	396.5	145.8	24.7	–
2014	20.04	3.9	–	33.8	80.0	34.5	440.2	74.0	13.3	–
2016	07.05	–	–	–	–	345.3	505.9	–	–	–
2017	01.05	–	–	–	550.7	534.0	393.6	95.2	96.1	–
2018	21.04	–	7.1	–	91.0	74.7	669.7	499.5	–	–
В среднем:	29.04	0.4	0.7	35.0	152.3	280.5	364.2	162.7	40.1	4.5
Южная часть хребта, 190-260 м н.у.м.										
2015	23.04	–	29.6	120.2	580.3	420.0	849.4	475.0	51.6	10.0

Центральные районы нагорья (нижняя часть бореально-лесного пояса; 400-500 м н.у.м.)

Первые встречи зарничек в разные годы отмечались с 20 апреля по 7 мая. Средняя за 10 лет наблюдений дата появления – 29 апреля, что позволяет предположить более ранние сроки начала миграции вида и на примыкающих к нагорью равнинах, чем это считалось ранее.

В отличие от низкогорий, во внутренние, более возвышенные районы нагорья зарнички в четвёртую и пятую пентады апреля проникают в незначительном числе и лишь в отдельные годы (например, 2014 и 2018), когда средние СТВ апреля в низкогорьях и на прилегающих равнинах достигают наиболее высоких значений. При этом в среднегорьях они также должны иметь положительные значения в третьей-четвёртой пентадах (табл. 2).

Таблица 2. Средние значения среднесуточной температуры воздуха (СТВ) апреля (средние за пентады и суммарное за месяц) в разных частях Буреинского нагорья и показатели обилия зарничек за весь период пролёта по годам

Пентады апреля	Годы										
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Южная часть нагорья (80 м н.у.м.)											
1-я	5.0	2.7	-1.8	3.3	-4.8	-4.8	0.2	-0.5	2.9	6.0	1.4
2-я	5.7	4.3	1.0	3.7	1.1	-0.3	5.1	-2.3	2.1	3.9	0.2
3-я	4.8	3.3	-2.6	1.3	2.6	0.9	6.8	3.4	2.9	1.1	4.3
4-я	10.7	3.2	3.0	3.2	6.9	1.8	5.4	4.9	5.7	5.5	10.5
5-я	7.8	6.0	6.2	3.5	10.0	6.3	12.1	5.8	5.8	5.9	11.8
6-я	6.0	11.9	8.7	5.6	8.3	7.1	13.2	10.8	6.6	6.7	8.7
Σ СТВ	40.0	31.4	14.5	20.6	24.1	11.0	42.8	22.1	26.0	29.1	36.9
Центральная часть нагорья (384 м н.у.м.)											
1-я	3.2	-1.5	-5.3	-2.3	-10.3	-4.3	-4.3	-8.4	-0.2	1.9	3.7
2-я	2.0	-1.6	-2.6	-0.2	-3.8	-2.6	-1.2	-6.8	-2.5	1.7	3.4
3-я	-0.4	-2.5	-5.7	-3.8	-2.1	0.3	2.6	-0.5	0.7	-3.8	1.0
4-я	6.4	-4.3	-0.6	1.0	5.1	0.4	3.4	4.4	1.3	3.9	5.2
5-я	2.0	2.7	3.3	2.8	10.0	3.6	8.1	0.8	2.7	3.6	6.9
6-я	2.2	7.0	7.0	3.0	5.4	4.8	10.8	6.1	3.8	4.4	2.8
Σ СТВ	15.4	-0.2	-3.9	0.5	4.3	2.2	19.4	-4.4	5.8	11.7	23.0
Σ обилие	546.6	912.1	630.2	959.1	1959.3	854,5	679.7	-	851.2	1669.6	1342.0

Чаще всего зарнички становились многочисленными в течение 2-3 дней после появления передовых особей. В отдельные годы, например в 2012 и 2017, они были многочисленны уже в день появления. Эти годы для всех уровней высот характеризовались высокими значениями СТВ пятой и шестой пентад апреля и первой пентады мая. В отдельные годы (например, 2013 и 2016) зарнички появляются поздно – лишь во второй пентаде мая, но при этом сразу в очень большом количестве. В первой пентаде мая этих двух лет в центральных районах

нагорья в ночные и утренние часы наблюдались отрицательные (до минус 5°C) или слабо положительные (до 1-3°C) температуры.

В 2009-2011 годах наблюдались самые низкие значения СТВ апреля за все годы наблюдений, чем можно объяснить сдвиг начала миграции зарничек на начало мая. Исключением стал апрель 2009 года, первая половина которого также была очень холодной, но зарнички были многочисленны уже в конце шестой пентады месяца, чему, очевидно, способствовали высокие температурные показатели этой пентады в низкогорьях. Таким образом, в среднегорьях центральной части на сроки появления и численность зарничек значительно влияет температурный режим, устанавливающийся в низкогорьях и на окружающих равнинах в первой и второй декадах апреля.

В среднем интенсивность пролёта возрастает всю первую половину мая, достигая своих максимальных значений во второй или третьей пентадах этого месяца. В это время зарничка в районе наблюдений является также и самым многочисленным пролётным видом, её доля в общем населении всех видов птиц, участвующих в миграции, может достигать 52.4% (2017 год) или 56.0% (2016 год), что существенно выше, чем в низкогорьях.

Заканчивается пролёт обычно в пятой пентаде мая, только в 2011 году миграция продолжалась и в шестой пентаде мая. Возможно, что в этот год зарнички гнездились во вторичных лесах исследуемого района, поскольку на метеостанции «Софийск» (52°16' с.ш., 133°59' в.д.; 898 м н.у.м.) в последней декаде мая 2011 года наблюдались СТВ до 10-15°C, что исключает предположение о возможной задержке в среднегорьях зарничек, гнездящихся в верхнем поясе леса.

Самой большое количество зарничек отмечается в годы, когда СТВ второй половины апреля как в низкогорьях, так и в среднегорьях разных частей нагорья характеризуются наиболее высокими значениями.

На примере 2012, 2017 и 2018 годов видно, что в центральных районах нагорья наиболее интенсивный пролёт в последней пентаде апреля и в первой половине мая происходит в годы, когда высокие СТВ устанавливаются уже в четвёртой и пятой пентадах апреля. В такие годы через внутренние районы нагорья пролетает особенно много зарничек.

В 2016 году пролёт начался в самые поздние сроки и имел наименьшую продолжительность, завершившись уже к середине мая, что, скорее всего, объясняется пролётом большей части птиц низкогорьями и равнинными участками, где на протяжении всего апреля сохранялись в целом более комфортные значения СТВ.

Иная картина пролёта наблюдалась в 2008 году, отличавшегося необычно ранней весной, когда в среднегорьях положительные СТВ (до 5°C) наблюдались с начала пятой пентады марта по первую пентаду

апреля, лишь кратковременно снижаясь до отрицательных значений во второй и третьей пентадах апреля. В южной части нагорья в этот же период наблюдались ещё более высокие СТВ: там в отдельные дни четвёртой и пятой пентад марта дневные температуры доходили до +17-22°C. Такой температурный режим в низкогорьях, очевидно, обусловил как поздние сроки появления, так и общую низкую численность пролётных зарничек во внутренних районах нагорья в течение всего миграционного периода, поскольку большинство из них имели возможность уже в апреле обогнуть нагорье прилегающими равнинами. На это же указывает и необычно раннее для того года завершение пролёта зарничек, большую часть которых, скорее всего, составили особи местной популяции, населяющей среднюю и верхнюю часть лесного пояса.

В целом весенняя миграция зарнички в среднегорьях центральной части нагорья начинается примерно на неделю позже, чем в периферийных низкогорьях южных районов, а общая численность зарничек, отмечаемых за весь период пролёта, в 2.5 раза ниже. Это указывает на то, что весной большая часть пролётных зарничек всё же огибает нагорье прилегающими равнинами и периферийными низкогорьями, что особенно характерно для начальных этапов миграции в годы, когда высокие СТВ устанавливаются в низкогорьях и на равнинных участках уже с конца марта – начала апреля.

Наблюдения в центральной и северной части Буреинского хребта показывают, что весенняя миграция зарнички в пределах нагорья чаще всего заканчивается уже в пятой пентаде мая. В связи с этим указания на продолжение миграции зарнички в течение всей первой декады июня в районах, примыкающих к нагорью, вызывают сомнения. Пространства Среднего и Нижнего Приамурья расположены близ южной границы распространения вида в Дальневосточном регионе, в связи с чем более вероятно, что такие наблюдения относятся к птицам, уже завершившим миграцию, на что указывают следующие данные. Так, на крайнем северо-востоке ареала – в среднем течении Анадыря, и на юге Чукотского нагорья – у посёлка Эгвекино, прилёт зарничек наблюдается в третьей декаде мая (Кречмар, Кондратьев 1996; Горохова 2011). Лишь севернее полярного круга, например на плато Путорана, он происходит позже и в довольно сжатые сроки: с конца мая по первую декаду июня (Романов 1996). У самки с Буреинского нагорья, отловленной 28 июня 1996 на высоте 550 м н.у.м., состояние наседного пятна указывало на наличие 1-3-дневных птенцов или кладки на последних днях насиживания (Медведева 2012), что, согласно периодизации гнездового периода зарничек (Рябицев 2008), предполагает его начало у данной особи в первых числах июня. В центральной части Сихотэ-Алиня слёток, которого кормила взрослая особь и две молодые

особи, уже без сопровождения взрослых, отмечены 4 июля (Назаренко 1990). На реке Зее массовый вылет птенцов зарничек из гнёзд происходил в конце первой декады июля (Кисленко и др. 1990).

Центральные районы нагорья (верхняя часть бореально-лесного пояса; 800-1200 м н.у.м.)

В центральных, более возвышенных районах нагорья зарнички появляются позже, чем в среднегорьях примерно на 10 дней и в меньшем обилии, чем в среднегорьях. В верховьях реки Ниман на высоте около 900 м н.у.м. в 2008 году они начали отмечаться лишь с 10 мая и на протяжении трёх последующих пентад были многочисленны, но в шестую пентаду уже не регистрировались. Эти наблюдения могут свидетельствовать о том, что зарнички избегают на протяжении всего апреля и первой пентады мая верхней части лесного и подгольцового поясов нагорья, а встречающиеся здесь во второй и третьей пентадах мая пеночки – это местные гнездящиеся и останавливающиеся на отдых пролётные особи. В то же время в четвёртую и пятую пентады мая, судя по малым различиям показателей обилия птиц между ними, а также в последующий период, наблюдаются уже преимущественно местные гнездящиеся особи. Таким образом, весенняя миграция вида на данных высотах также продолжается до начала шестой пентады мая. По наблюдениям А.А.Назаренко (1983, 1984) в верхней части бореально-лесного пояса южной части хребта Ям-Алинь, зарничка относится к видам с периодическим гнездованием, а постоянно гнездится лишь в приречных низкорослых ивняках подгольцовых межгорных долин центральных и северных частей этого хребта, избегая сомкнутых лиственничников. По нашим данным, плотность населения в первой половине июня в подгольцах хребта Дуссе-Алинь, являющегося продолжением на север Буреинского хребта, составляет 3.0 ос./км² (Бисеров 2007б).

Выводы

1. Пеночка-зарничка на Буреинском нагорье – один из самых массовых видов на весеннем пролёте. Большая часть пролётных зарничек ежегодно погибает нагорье прилегающими равнинами и низкогорьями. Наибольшее число зарничек на всех уровнях высот пролетает в первой половине мая.

2. Миграция зарничек обычно начинается в низкогорьях в четвёртой пентаде апреля, в среднегорьях в шестой пентаде апреля. В верхней части лесного пояса она наблюдается со второй пентады мая, причём здесь она наименее выражена, а регистрируемые особи – это большей частью местные гнездящиеся птицы.

3. Общее количество пересекающих Буреинское нагорье зарничек увеличивается в годы с наиболее высокими значениями среднесуточ-

ной температуры воздуха четвёртой, пятой и шестой пентад апреля на всех уровнях высот.

4. В весенний период только наиболее возвышенные участки внутренних районов нагорья могут представлять экологическое препятствие для мигрирующих зарничек.

Л и т е р а т у р а

- Аверин А.А., Антонов А.И., Питтиус У. 2012. Класс Aves – Птицы // *Животный мир заповедника «Бастак»*. Благовещенск: 171-208.
- Бисеров М.Ф. 2003а. Материалы по орнитофауне заповедника «Бастак» (южная часть Буреинского хребта) // *Тр. заповедника «Буреинский»* **2**: 83-97.
- Бисеров М.Ф. 2003б. Весенний пролёт птиц в некоторых пунктах Буреинского хребта // *Тр. заповедника «Буреинский»* **2**: 107-110.
- Бисеров М.Ф. 2007а. Особенности сезонных миграций птиц в районе Буреинского нагорья // *Тр. заповедника «Буреинский»* **3**: 19-29.
- Бисеров М.Ф. 2007б. Структура и динамика населения птиц Хингано-Буреинского нагорья // *Тр. заповедника «Буреинский»* **3**: 46-75.
- Бисеров М.Ф. 2008. Особенности весенней миграции птиц в центральной части Хингано-Буреинского нагорья в зависимости от метеоусловий года // *Тр. заповедника «Буреинский»* **4**: 87-102.
- Бисеров М.Ф. 2012. Материалы к весенней миграции птиц в Буреинском нагорье // *Тр. заповедника «Буреинский»* **5**: 118-148.
- Бисеров М.Ф. 2016. К весенней миграции птиц в южной части Буреинского нагорья // *Региональные проблемы* **19**, 3: 93-102.
- Винтер С.В. 1979. Славковые (Sylviidae) Буреинско-Хинганской низменности // *Миграция и экология птиц Сибири: Тез. докл. орнитол. конф.* Якутск: 73-75.
- Горохова Т.В. 2011. Фенология и характер пребывания птиц населённых пунктов Чукотского нагорья // *Вестн. Бурят. ун-та. Биол., геогр.* **4а**: 175-177.
- Иванов С.В. 1993. Птицы // *Позвоночные животные Большехехицкого заповедника. Флора и фауна заповедников*. М., **53**: 16-45.
- Кисленко Г.С., Леонович В.В., Николаевский Л.А. 1990. Материалы по изучению птиц Амурской области // *Экология и распространение птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 90-105.
- Колбин В.А. 2017. Орнитофауна Норского заповедника и сопредельных территорий: современный обзор // *Амур. зоол. журн.* **9**, 1: 49-71.
- Колбин В.А., Бабенко В.Г., Бачурин Г.Н. 1994. Птицы // *Позвоночные животные Комсомольского заповедника. Флора и фауна заповедников*. М.: 13-40.
- Кречмар А.В., Кондратьев А.Я. 1996. Птицы // *Позвоночные животные северо-востока России*. Владивосток: 66-217.
- Медведева Е.А. 2012. Линька птиц семейства славковые Sylviidae (род *Phylloscopus*) на юге Дальнего Востока // *Тр. заповедника «Буреинский»* **5**: 74-89.
- Назаренко А.А. 1983. Орнитофауна высокогорий юга Дальнего Востока, особенности её состава и истории // *Птицы Сибири: Тез. докл. 2-й Сиб. орнитол. конф.* Горно-Алтайск: 86-88.
- Назаренко А.А. 1984. О птицах окрестностей посёлка Экимчан, крайний восток Амурской области, 1981-1983 гг. // *Фаунистика и биология птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 28-33.
- Назаренко А.А. 1990. К орнитофауне Северо-Восточного Приморья // *Экология и распространение птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 106-114.
- Равкин Ю.С. 1967. К методике учётов птиц в лесных ландшафтах // *Природа очагов клещевого энцефалита на Алтае*. Новосибирск: 66-74.

Романов А.А. 1996. *Птицы плато Путорана*. М.: 1-297.

Рябицев В.К. 2008. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-634.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1757: 1705-1714

Стрепет *Tetrax tetrax* и дрофа *Otis tarda* в Кустанайской области: популяционная динамика в XX-XXI веках

Е.А. Брагин

*Второе издание. Первая публикация в 2015**

Стрепет *Tetrax tetrax* и дрофа *Otis tarda* являются самыми знаковыми видами казахстанских степей. Многочисленные ещё в середине XX века популяции этих птиц к началу 1970-х годов оказались на грани полного исчезновения. Вряд ли можно найти ещё какие-то виды, которые бы испытали столь драматичное падение численности в период освоения целинных и залежных земель. История исчезновения стрепета и дрофы в Казахстане и, особенно, изменения их статуса в конце XX века в литературе освещены слабо. Между тем это представляет несомненный интерес для анализа причин популяционной динамики этих видов.

Материалом для данного сообщения послужили многолетние наблюдения, проводимые автором в Наурзумском заповеднике и на сопредельных территориях с 1977 года. Начиная с 1997 года экспедиционные работы в рамках различных проектов проводились в большинстве районов Кустанайской области. Материалы исследований степных птиц, выполнявшиеся в Наурзумском заповеднике в 1930-1940-е годы (Ливрон 1938; Михеев 1938; Рябов 1949, 1950), и затем в 1960-е годы на территории почти всей Кустанайской области (Борисенко 1977; Фадеев 1977; Рябов 1982), были использованы для сравнительного анализа изменений за 80 лет.

*Стрепет *Tetrax tetrax**

В 1930-1940-е годы стрепет характеризовался как многочисленный гнездящийся вид Наурзумских степей (Михеев 1938; Рябов 1950). Хотя несколько ранее, в июне-июле 1929 года, во время экспедиции по под-

* Брагин Е.А. 2015. Стрепет и дрофа в Кустанайской области: популяционная динамика в XX-XXI веках // *Степные птицы Северного Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана*. Ростов-на-Дону: 78-87.

бору территории для заповедника, в пределах нынешних Аулиекольского (Семиозерного) и Наурзумского районов стрепет был встречен лишь единственный раз у восточной опушки бора Аманкарагай (Ливрон 1938). Причиной низкой численности, как предполагалось, была засуха, стоявшая в тот год в Кустанайских степях.

Населяя различные типы степных формаций, стрепеты с наибольшей плотностью встречались в ковыльных степях на лёгких песчаных и супесчаных почвах. В 1936-1940 годах средняя численность в песчано-ковыльных степях составляла 0.74 ос./км², изменяясь по годам от 0.51 до 1.22 ос./км², в песчано-ковыльной степи с зарослями кустарников она была несколько выше – 0.93 ос./км² (0.64-1.42), в комплексной степи – 0.04 ос./км² (0.01-0.04), на пырейных понижениях – 0.17 (0.14-0.28) и на залежах – 0.31 ос./км² (0.23-0.47). Динамика численности, наблюдавшаяся в те годы, связывалась с изменениями погодных условий. Длительные депрессии, после которых численность восстанавливалась в течение нескольких лет, объяснялись массовой гибелью в суровые и многоснежные зимы на местах зимовок (Гаврин 1962). Кроме того, численность снижалась в засушливые годы, но при этом изменения в разных типах местообитаний не были одинаковыми (Рябов 1949). В 1935 году стрепет концентрировался главным образом на участках комплексных типчаково-полынных степей, окружающих озёра Сары-Моин, Байназар-Копа, Жарколь и на склонах Тургайского плато около посёлка Шийли. В 1938 году наибольшая численность наблюдалась в разнотравно-песчаноковыльных степях в районе Сыпсына.

В 1951 году в связи с началом освоения целинных и залежных земель Наурзумский заповедник был ликвидирован. Большую часть его земель передали организуемым колхозам и совхозам, а на базе лесных массивов организовали лесхоз. Зональные степи на плакорах, ранее входившие в заповедник, были распашаны уже к 1953 году (до этого в данном районе существовали лишь небольшие участки пашни). В последующие годы площадь пахотных земель постоянно увеличивалась. К середине 1970-х годов она достигла 18% площади Наурзумского района, но на высоких плато зональные степи были распашаны полностью. Севернее бора Аманкарагай распашка составляла от 50% до 75% и более, в зависимости от характера почв (Рачковская и др. 1999).

В конце 1970-х – начале 1980-х годов стартовала последняя волна освоения земель, охватившая южные сухие степи и полупустыни. Максимальной площади пахотные земли достигли к концу 1980-х. В Наурзуме к этому времени были распашаны зональные степи на пологих склонах Тургайского плато и частично – комплексные степи в Тургайской ложбине и в широких долинах рек Дана-Бике и Наурзум-карасу.

Массовая распашка не затронула лишь распространённые в Сыпсынагашской ложбине разнотравно-песчаноковыльные степи на супес-

чанных почвах, которые подвергались интенсивной ветровой эрозии. Хотя и здесь небольшие участки ежегодно распахивались под бахчи. Совхозы широко и в больших количествах применяли минеральные удобрения и ядохимикаты. Площади, не занятые под зерновые, интенсивно использовались для выпаса скота и как сенокосы.

Ещё раз подчеркнём, что первая половина – середина 1980-х годов были пиком развития сельского хозяйства в Северном Казахстане и в Наурзумском районе в частности. Заметные изменения произошли лишь в самом конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда наименее продуктивные площади на солонцеватых, супесчаных и супесчано-пылеватых почвах стали переводиться в залежи или засеивались житняком и другими кормовыми травами. В основном они размещались в Тургайской ложбине, в долинах степных рек и на склонах плато с комплексными степями. В целом же максимальная площадь распашки пришлась на 1990 год. В последующие годы она стала быстро сокращаться и к 1999 году уменьшилась в 3 раза. Аналогичная динамика, но в меньших масштабах, происходила и в основных зерновых районах в северной половине области. Начиная с 2000 года вектор развернулся, залежи стали повторно осваиваться и их площадь по области к 2004 году сократилась с 8.8% до 2.9% от общей площади земель. В настоящее время в их составе остались лишь малопродуктивные площади на солонцеватых почвах и подверженных эрозии склонах долин и плато.

Организационно-правовой статус и состояние территории бывшего Наурзумского заповедника за это время также претерпели ряд изменений. В 1961 году лесхоз преобразовали в заповедно-охотничье хозяйство, в состав которого включили также системы озёр и небольшие, прилегающие к озёрам и лесным массивам, участки степей. В 1966 году статус был изменён на лесоохотничье хозяйство и в тот же год новым решением восстановлен заповедник на площади 85.7 тыс. га, что было почти в 4 раза меньше первоначальной площади. В составе этой территории на степные участки, расположенные вдоль лесных опушек и озёр, приходилось около 20 тыс. га. В 1976 году был прирезан участок зональных степей в 2000 га на склонах Тургайского плато, а в 2004 году территория расширена ещё на 103687 га, с доведением её до 191381 га, и установлена охранный зона на площади 116726 га. Прирезанные участки включали, в основном, различные варианты степей: комплексные степи Тургайской ложбины, разнотравно-песчаноковыльные степи Сыпсынагашской ложбины, типчаково-ковыльковые и ковыльковые степи на высоких плато, опустыненные чернополынные и кокпеково-полынные на солонцеватых почвах.

Как же изменились распространение и численность стрепета за время освоения целинных степей? В июне-июле 1936 года в разнотрав-

но-песчаноковыльных степях Наурзума его численность составляла 28.5 особей на 100 км маршрута, а на 1 км² площади средняя численность в 1936, 1938 годах достигала 2.8 особей, на пырейных лугах – 2.0 особи, на залежах – 1.0 особей. Для 1940-х годов конкретных данных нет, очевидно, она была не ниже, поскольку за весь период 1930-1940-х годов статус стрепета определялся как многочисленный гнездящийся вид (Рябов 1950). Но уже в 1961, 1963 годах при проведении специальных учётов степных птиц на тех же участках стрепет не встречен ни разу, а в целом по региону средних степей на 2907 км маршрутов были отмечены лишь 3 птицы, т.е. около 0.1 ос./100 км (Рябов 1982). На территории Наурзумского заповедно-охотничьего хозяйства за всё лето 1963 года специалистами московской охотустроительной партии, проводившей обследование, стрепет был встречен всего 4 раза в урочище Жарман и, как указано в отчёте, определённо не гнезвился.

Аналогичная ситуация сложилась и в других районах области. В наиболее освоенных северных степях (от границы области до широты озера Кушмурун и Аманкарагайского бора) и наименее освоенных южных сухих степях (южнее Наурзума и до озера Сарыкопа) было отмечено по 2 особи, что при длине маршрутов 2907 км и 2150 км составило 0.07 и 0.09 ос./100 км. На маршруте в 747 км в полупустыне Тургая численность составляла 0.27 ос./100 км (Рябов 1982).

За 15 месяцев маршрутных работ протяжённостью 12.5 тыс. км в 1962-1968 годах встречено лишь 8 стрепетов: 6 птиц – в июне 1963 и 1964 годов и июле 1965 года в окрестностях села Дамды на юге Наурзумского района, 1 птица – в Фёдоровском районе и 1 – у северной опушки Аманкарагайского бора (Борисенко 1977). В 1971-1972 годах на маршрутах в северной половине области, включая Наурзум, стрепет не встречен ни разу.

Немногим лучше была ситуация в опустыненных степях юга области. В бассейнах рек Тургай и Улы-Жиланшик в мае-июне 1965 года на 3000 км видели 7 стрепетов. Лишь в одном месте на подгорных равнинах Улутау у метеостанции Брали на маршруте 50 км отметили 9 птиц (Фадеев 1977). Холмистые типчаково-ковыльные степи этого района, видимо, оставались последним местом в области, где стрепет был относительно обычен. В засушливые 1965-1966 годы он встречался здесь довольно редко, в 1966 году на 30 км между метеостанцией и озером Обалы видели 2 птиц, в 1967 году учитывали до 5 птиц, а в мае 1972 года подняли 9 птиц.

В мае 1970 года на маршруте от города Кустаная через Наурзум и озеро Сарыкопа до села Амангельды и на маршрутах в июне-июле в опустыненных степях междуречья рек Тургай и Улы-Жиланшик от возвышенности Жиланшик-Турме до озера Жаман-Акколь стрепет был встречен всего один раз – в Наурзуме, в разнотравно-песчаноковыль-

ной степи у западной опушки Наурзумского бора. Таким образом, крайне низкая численность по всей территории области свидетельствует о полном крахе популяции стрепета в Северном Казахстане уже на первых этапах программы освоения целинных земель.

В очерке, посвящённом данному виду, численность Северо-Казахстанской популяции, выделяемой на территории Кустанайской и западной части Целиноградской (ныне Акмолинской) областей, в 1930-е годы определялась как тысячи особей, в начале 1970-х – около 400 особей, в начале 1980-х – около 100 особей (Исаков, Флинт 1987). Специально отмечалось, что популяция угасает. Конечно, приведённые цифры не более чем экспертные оценки, но они отражали реальную картину изменений.

В Наурзуме в 1970-е годы стрепет практически исчез, единичные встречи в заповеднике были событием и отмечались раз в 2-3 года. В условиях экстенсивного развития сельского хозяйства, в том числе продолжающейся распашки оставшихся целинных степей, надежд на изменение ситуации было мало. Однако в начале 1980-х годов встречи стали происходить всё чаще, а со второй половины этого десятилетия начался прогрессирующий рост численности, позволяющий говорить о восстановлении популяции стрепета в регионе.

В первые годы стрепет встречался почти исключительно на участках разнотравно-песчаноковыльных степей и значительно реже – в комплексных степях на пологих склонах котловины озера Сарымоин. Позже, с ростом численности, он стал заселять и другие природные биотопы, а с 1989-1990 годов пошёл на залежи и поля, засеянные житняком, в которых в отсутствие ухода появлялись полынь и виды разнотравья. Численность устойчиво росла до середины 1990-х годов, после чего стабилизировалась, но при этом происходили изменения в характере распределения стрепета по биотопам. В годы максимальной численности плотность стрепета несколько превышала соответствующие показатели 1930-х годов. В мае-июне 1995-1997 годов в разнотравно-песчаноковыльных степях средняя численность составляла от 3.3 до 5.2 птиц на 10 км, в среднем чуть больше, чем в 1936, 1938 годах – 4 птицы на 10 км (Рябов 1982). Данные маршрутных учётов по основным местообитаниям, представленные в таблице, показывают характер изменений численности за период наблюдений.

В 1996-2000-е годы максимальная численность – 90.9 ос./100 км – отмечалась на залежах и житняковых полях, минимальная – 10.5 – в комплексных степях. В зональных типчаково-ковыльковых степях и разнотравно-красноковыльных кустарниковых степях, сохранившихся в верхней части склонов Тургайского плато, стрепеты концентрировались по границе с бурьянистыми залежами и посевами. Особенно это было заметно в засушливые годы.

Численность стрепета на маршрутах в районе Наурзумского заповедника в 1936-2014 годах (число особей на 100 км)

Годы	Песчано-ковыльные степи	Зональные степи	Комплексные степи	Залежи, поля, засеянные житняком
1936, 1938*	28.5		1.0**	1.0**
1960-1962*	0	0	0	0
1985-1990	39.9 (29.8-50)	8.3 (6.3-12.5)	11.4 (7.1-15.6)	
1991-1995	37.8 (22.2-53.3)	нет данных	11.4 (10.8-1.9)	37.5 (25-47.8)
1996-2000	23.5 (15.3-33.8)	17.1 (5.6-27.6)	10.5 (4.9-25.9)	90.9 (51.9-99.5)
2001-2005	19.9 (8.0-37.5)	25.6 (6.3-26.3)	40.9 (4.5-85.7)	46.6 (39.3-51.9)
2006-2010	10.1 (4.1-18.0)	11 (10.0-12.5)	20.2 (1.9-53.3)	39.2 (26.9-55.6)
2011-2014	21.4 (14.3-35.7)	нет данных	10 (4.5-26.3)	59.3 (34-104.3)

* – данные В.Ф.Рябова (1949, 1982); ** – число особей на 1 км².

В конце 1990-х и в первой половине 2000-х годов произошло заметное снижение численности, особенно в разнотравно-песчаноковыльных степях, но в зональных и комплексных степях численность выросла, а на залежах и житняковых полях, несмотря на почти двукратное снижение, она оставалась максимальной. В 2006-2010 годах численность в целом была относительно невысокой, но сильно варьировала по годам и по отдельным биотопам. Причиной были, видимо, засушливые годы и отсутствие в достаточном количестве прямокрылых. Резкий рост численности наблюдался с 2012 года, когда в районе произошла вспышка стадной формы итальянского пруса.

По учётам токующих самцов, наибольшая численность – 7-8 особей на 1 км² отмечена в 1994 году на клетках житняка в охранной зоне заповедника, в разнотравно-песчаноковыльной степи учитывали 5-6 особей, на залежах – 1-3 особи на 1 км² (Хроков, Карпов 1999). В мае 1998 года в разнотравно-песчаноковыльных степях учитывали 3.8 токующих самцов на 1 км², в 2003 – 2.5-3.8, в 2007 – 1.3, в 2012 – 2.5, в 2013-2014 годах – 3.8 ос./км². В комплексных степях котловины озера Сарымоин в 1999 и 2014 годах средняя численность составляла 5.1 особи на 1 км², в 2001 году в таких же степях восточнее озера Большой Аксуат – 3.8 ос./км². На залежах и полях, засеянных житняком, в мае 1999 года учитывали 3.8 токующих самцов на 1 км², в 2003 и 2007 – 5.1, в 2011 – 3.8-5.1, в 2012 и 2014 годах – 5.1 самца на 1 км².

В конце 1990-х – начале 2000-х годов стрепет встречался во всех районах Кустанайской области, преимущественно на участках ковыльных степей, фрагментарно сохранившихся вдоль склонов речных долин, в Тургайской ложбине и долине реки Убаган, в озёрных котловинах и вокруг лесных массивов. Реже стрепет отмечался на пастбищах и сенокосах, засеянных житняком, и на старых залежах. В целом его численность в северной половине области была ниже, чем в Наурзуме. Вдоль восточного берега озера Тениз, в нижней части долины реки

Убаган, 23 июня 2004 на 12 км встречен 1 самец, в средней части долины Убагана близ озера Шошкалы 20 сентября 2000 на 18 км учтено 3 особи. Самец и пара отмечены 23 июня 2002 на склонах долины реки Тобол в районе села Надеждинка. В Сарыкольском (Урицком) районе 1 самец отмечен 24 июня 2004 близ озера Бозшаколь.

Обычен стрепет на житняковых полях в окрестностях бора Казанбасы (18 июня 1999 – 2 самца на 16 км, 8 июня 2003 и 20 июля 2005 – 1 самец на 9 км, 31 июля 2007 – 3 самца), на ковыльных участках и полях вокруг бора Аманкарагай (14 мая 1998 – 3 самца на 27 км вдоль южной опушки, 12 июня 2013 – 4 самца). Примерно с такой же плотностью стрепет встречается всюду по пастбищам и сенокосам к югу от Аманкарагая и озера Кушмурун. На залежах в районе Кушмуруна 9 октября 1999 встречено 7 особей на 17 км, южнее по шлейфу песчаного массива Кумагаш на правом берегу реки Убаган 21 июня 2002 на 10 км встречено 2 самца и 1 самка.

На западе области стрепет широко распространен в Камыстинском районе, где сохранились большие массивы песчаноковыльных степей. Западнее озера Кулыкколь на 16 км залежей по 2 особи встречались 24 мая 2001, 28 июня 2002 и 26 июня 2004. На 28 км по полям и залежам от озера Кулыкколь до села Уркаш 10 июня 2000 встречена 1 птица, 30 сентября 2002 там же встречались группы по 3-4 особи, всего 14 птиц, 2 октября – 30 птиц и стая из 29 особей – в степи у озера Батпакколь, 12 октября встречено 15 особей.

В южных сухих степях на 120 км маршрута в июне 1986 года стрепет был отмечен лишь однажды – на пырейных лугах близ озера Сарыкопа. Через 10 лет, в сентябре 1997 года, по восточной стороне озера Сарыкопа на сухих низкотравных пырейных лугах и в тырсовой и тырсово-полынной степи он встречался с численностью 7.9 ос./10 км. Там же 17 сентября 2007 на 37 км супесчаных ковыльных степей и пырейных лугов отмечены 3 стаи (12, 7 и 10 особей).

В центральной и западной частях междуречья рек Тургай и Улы-Жиланшик стрепет обитает на полого-волнистых шлейфах песчаных массивов с полынно-типчачково-тырсиковыми степями и достаточно редок. На 95 км по маршруту Амангельды – Рахмет 5 мая 2004 встречена 1 птица, 9 мая 2013 – 2 самца. На маршруте от Рахмета до Айыркума по правому берегу реки Улы-Жиланшик 5 мая 2007 отмечены 4 птицы (1.5 ос./10 км), 10 мая 2013 – 4 самца и пара, 12 мая – 2 самца.

Вместе с тем, на границе северных пустынь в 2004 году стрепет оказался обычным на Шалкар-Нурунском плато к юго-западу от низовой реки Улы-Жиланшик. Здесь на 60 км маршрута через полынно-биюргуновую пустыню 25 мая учтено 17 птиц (28.3 ос./100 км). Встречались они на участках с большими пырейными понижениями, только на двух отрезках по 5 км с несколькими понижениями было встречено

7 и 4 токующих самца. Южнее, при пересечении восточной части Шалкар-Тенизской котловины, на 57 км маршрута от реки Тегене до озера Акколь стрепет встречен лишь один раз 20 июня 2005 у подножия Атанбасчинка.

Таким образом, стрепет, почти исчезнувший в кустанайских степях после первого десятилетия освоения целинных и залежных земель, стал восстанавливать свою численность в период максимального развития сельского хозяйства. С ростом численности в природных биотопах он расселился на залежи и житняковые поля, где сейчас наблюдается его наибольшая плотность. К середине 1990-х годов численность популяции, вероятно, превысила уровни 1930-1940-х годов.

Дрофа *Otis tarda*

Ситуация с дрофой до начала 1980-х годов почти зеркально отражала то, что происходило со стрепетом. В Наурзумских степях в 1930-1940-е годы численность дрофы лишь немногим уступала, а в некоторых биотопах даже превышала численность стрепета. В июне-июле 1936 года в разнотравно-песчаноковыльных степях встречалось в среднем 20 особей на 100 км маршрута, на 1 км² численность в 1936, 1938 годах достигала 1.6 особи, на пырейных лугах – 4.9, на залежах – 3.1. В 1961, 1963 годах на тех же участках дрофа встречалась только на пырейных лугах с плотностью 0.5 ос./км², а в целом по региону средних степей на 2907 км маршрутов отмечено лишь 3 птицы, т.е. около 0.1 особи на 100 км (Рябов 1982). Такая же встречаемость зарегистрирована на маршрутах в северных и южных степях. В 1962-1968 годах на маршрутах протяжённостью 12.5 тыс. км в северной части области, отмечены лишь 2 встречи: у села Дамды, на юге Наурзумского района, и в верховьях Убагана. На маршрутах в 1971-1972 годах дрофа не встречена ни разу (Борисенко 1977).

На юге, в опустыненных степях Тургай-Улыжиланшиковского междуречья, дрофа сохранялась несколько дольше. В 1961, 1963 годах на маршрутах в 747 км встречено 4 дрофы, т.е. 0.5 ос./100 км (Рябов 1982). На восточной окраине песков Аккум в правобережье среднего течения реки Улы-Жиланшик в августе 1962 года на 110 км встречено 5 дроф (Борисенко 1977). В 1965-1966 годах дрофа была очень редкой, встречаясь в типчаково-ковыльных степях и на пырейных лугах вокруг озёр и соров (Фадеев 1977). В июне 1970 года на маршрутах в районе песков Аккумы мною было встречено 2 выводка. Одну птицу в середине мая 1971 года наблюдали в районе метеостанции Брали (Борисенко 1977).

В Наурзуме охотустроительной партией за всё лето в 1963 года дрофа обнаружена не была и не встречалась на территории уже несколько лет. В 1965-1970 годах зарегистрирована лишь 1 встреча, в 1970-е – 3, в 1980-е – 2, причём все встречи происходили в одних и тех же ме-

стах: ковыльные степи и пырейные луга в ложбине Карт и на её западных склонах к югу от села Буревестник и степи к югу от села Дамды. К северу от Наурзума известна лишь одна встреча из Аулиекольского (Семиозерного) района.

Во второй половине 1980-х годов были ожидания, что вслед за восстановлением стрепета начнётся рост численности и у дрофы. К сожалению, они не оправдались. При этом из нескольких очагов, известных ещё в 1970-е годы, изредка продолжали поступать сообщения о встречах дроф и даже выводков. В 1994 году из-под села Буревестник привезли самку с развитыми наседными пятнами, разбившуюся о провода. В 2000 году у западных склонов ложбины Карт отмечены 2 выводка, трёх дроф (вероятно, выводок) видели в том же районе 29 августа 2006. В 1990-2000-е годы зарегистрировано также несколько встреч на границах заповедника, в районе озера Кулыкколь в Камыстинском районе и на юге Аулиекольского района. Однако всё это не складывалось в сколько-нибудь выраженный тренд.

В обширном и ныне крайне малолюдном Тургайском регионе численность дрофы с начала 1970-х годов, видимо, снизилась ещё больше. Встречи, в том числе выводков, известны только для двух точек: участка междуречья от слияния рек Жалдама и Кара-Тургай восточнее села Амангельды и района озера Тентексор у границы с Актюбинской областью. Вероятно, это единичные пары, а общая численность в сухих и опустыненных степях области вряд ли превышает 20-40 пар. В 1971 году вся тургайская популяция дрофы оценивалась в 1100 особей, в 1980 – около 100 особей (Исаков, Флинт 1987). Таким образом, за более чем 30 лет ситуация в лучшем случае не изменилась, и это при том, что в популяции стрепета за это же время произошёл резкий рост численности, увеличившейся в 60-80 раз.

Разная динамика популяций стрепета и дрофы, как собственно и факторы резкого восстановления стрепета во второй половине 1980-х годов, не совсем понятны. Что изменилось в эти годы? Основные причины исчезновения обоих видов связаны с распашкой земель и сельскохозяйственной практикой. Но к началу 1980-х годов ещё продолжалось освоение новых земель, а видимые изменения в землепользовании появились лишь в самом конце десятилетия. И тот факт, что восстановление стрепета шло сначала в естественных местообитаниях, не позволяет основываться на идее адаптации к гнездованию в агроценозах как основной причине роста численности. В то же время дрофа в 1930-е годы часто встречалась на залежах и вблизи посевов (Рябов 1949), т.е. была более терпима к сельскохозяйственному освоению земель, чем стрепет. Конечно, дрофа была более желанной добычей для охотников, чем стрепет, но в 1970-е годы охоты на степную птицу в

Северном Казахстане уже не было. Очевидно, что ответ на этот вопрос требует детального анализа всех возможных факторов как на местах гнездования, так и в местах зимовок.

Литература

- Борисенко В.А. 1977. О численности журавля-красавки, стрепета, дрофы и джека в некоторых районах Казахстана // *Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана*. Алма-Ата: 138-430.
- Гаврин В.Ф. 1962. Отряд Дрофы – Otides // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 5-38.
- Исаков Ю.А., Флинт В.Е. 1987. Семейство дрофиные // *Птицы СССР: Курообразные, Журавлеобразные*. Л.: 465-502.
- де Ливрон А.Р. 1938. Птицы Наурзумских степей // *Тр. Наурзумского заповедника* 1: 29-126.
- Михеев А.В. 1938. К составу авифауны Наурзумского гос. заповедника // *Тр. Наурзумского заповедника* 1: 127-152.
- Рачковская Е.И., Брагина Т.М., Брагин Е.А., Евстифеев Ю.Г. 1999. Влияние распашки земель на растительный покров и животный мир Костанайской области // *Трансформации природных экосистем и их компонентов при опустынивании*. Алматы: 33-46.
- Рябов В.Ф. 1949. К экологии некоторых степных птиц Северного Казахстана по наблюдениям в Наурзумском заповеднике // *Тр. Наурзумского заповедника* 2: 153-232.
- Рябов В.Ф. 1950. Материалы к познанию степной орнитофауны // *Учён. зап. Сталинград. пед. ин-та* 2: 179-226.
- Рябов В.Ф. 1982. *Авифауна степей Северного Казахстана*. М.: 1-176.
- Фадеев В.А. 1977. К распространению и численности дрофы и стрепета в междуречье Улы-Жиланчика и Тургая // *Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана*. Алма-Ата: 229-230.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1757: 1714-1715

Гнездование серой вороны *Corvus cornix* на искусственных островах в Каспийском море

Ф.Ф.Карпов, В.А.Ковшарь

*Второе издание. Первая публикация в 2014**

Серая ворона *Corvus cornix* – лесная птица, строящая гнезда на деревьях, высоких кустах, а на водоёмах – также в тростниковых зарослях. Однако в определённых условиях она проявляет экологическую пластичность, устраивая гнёзда на технических сооружениях. На искусственных островах в северной части Каспийского моря, отстоящих

* Карпов Ф.Ф., Ковшарь В.А. 2014. Гнездование серой вороны на искусственных островах в Каспийском море // *Орнитол. вестн. Казахстана и Средней Азии* 3: 205.

от береговой линии и ближайших тростниковых зарослей на 45 км и не имеющих никакой растительности (не только древесно-кустарниковой, но и травянистой), мы нашли несколько таких необычно устроенных гнёзд серой вороны.

В 2013 году на одном из таких островов вороны устроили гнездо на небольшом балконе, идущем вокруг высотной вертикальной цистерны; место это посещается людьми редко. В 2014 году на группе островов было найдено ещё 4 гнезда. Одно было расположено в верхней части металлической конструкции, состоящей из переплетения арматуры, около 4 м над землёй. В гнезде 8 апреля было 5 яиц, птицы держались рядом и волновались. Второе гнездо было расположено, как и в 2013 году, на балконе вокруг высотной цистерны, однако из-за посещения рабочими этого места гнездо было брошено. Третье гнездо располагалось так же, как и предыдущее (на высотном балконе), но на острове, на котором работы были приостановлены. Во время проверочного посещения его рабочими в конце мая в гнезде было 3 крупных птенца с уже лопнувшими пеньками, и один мёртвый высохший птенец лежал под гнездом. Ещё одно гнездо было устроено внутри металлической конструкции под вертолётной площадкой. Вследствие постоянного беспокойства гнездо было брошено птицами. При проверке 22 сентября в нём оказалось 4 яйца.

Все гнёзда были сложены из древесных веток, очевидно прибитых волнами к островам. Тростниковых плавней, более доступных в этих условиях, не наблюдалось. Кроме этого, не менее 5 пар серых ворон, у которых гнёзда не были найдены, держались весь гнездовой период на искусственных островах, что говорит об устойчивом гнездовании этого вида в столь необычных для него условиях. Скорее всего, в этот район их привлекают массовые колонии чайковых птиц, на которых они всегда могут добыть корм как для себя, так и для своего потомства.

